

Вспоминая поэта

"СПАСИТЕ НАШИ ДУШИ!"

Шел очередной день московской Олимпиады. Солнечный и жаркий, образцовый и коммунистический. Из Москвы были увезены диссиденты и проститутки, дети и бомжи. Остались милиционеры и дружинники, спортсмены и комсомолки. Хотелось всем рекордам наши звонкие дать имена, а еще — пить пепси-колу и есть апельсины. Ешь — не хочу...

Нет, не хочу! Не хочу верить в то, что ЭТО произошло!.. И зажатый в тиски толпы и палящего солнца, обалдевший от жуткого карнавала жизни и смерти, я стою у входа на Таганскую площадь, не в силах сделать полшага, и держу над головой смятые гладиолусы. Я уже потерял надежду попасть в театр, чтобы на прощание положить к нему в гроб эти умершие цветы. И все же я стою, надеясь на что-то... На что?

На что надеялся он, спаливший свою жизнь быстро и беспощадно, как листок со стихами, и кричавший из последних сил: «Спасите наши души!»? На то, что ему за это будет дарована вторая жизнь, счастливая, как наше светлое будущее? Теперь-то, оглядываясь назад, понимаешь, что это будущее осталось в темном прошлом, светлее которого не предвидится. Тогда нам всем казалось, что мешает жить лишь «Грубая Ложь». Стоит ее победить — и восторжествует «Нежная Правда». Но это только в сказках Добро побеждает Зло. А в жизни теряются следы правды и лжи, совести и любви...

А в жизни была невидимая трагедия нашего поколения, затерявшегося на путях светлого будущего. Кем для нас был Владимир Высоцкий? Человеком, разбивающим своими песнями стекло в Королевстве Кривых Зеркал. Да, мы были потерянными поколением, но с его песнями мы уже освобождались от своего ненавистного искаженного отрижения. Высоцкий был сумасшедшим шутком, готовым со смехом лечь под поезд, чтобы его пассажиры выпали из него и с ужасом посмотрели на... себя. На свою раздавленную совесть, любовь, жизнь.

Да, он и сам себя разбил, как зеркало, но только зеркало чистое и честное, разлетевшееся на миллионы осколочных «я», оставшихся в каждом из нас. Кому-то эти осколки причиняли острую боль, а кому-то неудобства тем, что застревали в сытом благозвучии Кривого Королевства надрывным хрипом:

В чем угодно меня обвините — Только против себя не пойдешь: По профессии я — усилитель, Я страдал — но усиливал ложь.

И все же эта Ложь «ускакала на длинных и тонких ногах» к нам. А он не успел... Ах, как он был бы нужен нам сейчас! Кто откроет отдушину, у которой он дневал и ночевал в ту пору? Скажете — открыто окно? Но его-то отдушину была от души, а не от проема в стене... Он «страдал, но усиливал ложь». Я могу себе представить, с каким видом слушали бы его спикер российского парламента Хасбулатов или лидер духовной оппозиции Проханов. Я воображаю, как прорастал бы его голос «цветами необычайной красоты» на нейтральной полосе где-нибудь между Степанакертом и Баку, между Тирасполем и Кишиневом. И тогда наверняка нашелся бы «тот, который не стрелял...».

Пусть мое поколение считалось потерянным. Но с ним был Высоцкий, который не дал нам потерять себя. Поэтому мы и живем. И поэтому в нас жив голос того, кого мы оставили там, в залитой солнцем праздничной Москве...

А в театр я тогда все-таки прорвался, и, передавая цветы к гробу Высоцкого, мне хотелось подойти и растерпеть гладко зачесанные кем-то назад волосы. Растерпеть их так, как он это сделал с нашими душами.

Александр ВУЛИХ.